

Сурожские слезы

<http://portal-credo.ru/site/?act=comment&id=39>

В начале лета православную Москву потрясло известие из туманного Альбиона: епископ Иларион (Алфеев), либеральный богослов (так, во всяком случае, окрестили его издания, подобные "Русскому вестнику"), интеллектуал, церковный дипломат и вообще приятный во всех отношениях человек, учинил смуту в Сурожской епархии РПЦ МП. Известие казалось еще менее правдоподобным оттого, что епископ Иларион учился в Оксфорде, хорошо знал главу Сурожской епархии митрополита Антония (Блюма) и считался человеком "его духа".

Митрополит Антоний еще в темные советские времена был лучом света для церковной интеллигенции в России. Его талантливые живые проповеди перепечатывались на машинке и передавались из рук в руки. Фотографии худощавого старца с интеллигентными чертами лица и огоньком в глазах можно было встретить в доме любого более-менее продвинутого московского неопфита. Изредка митрополит Антоний приезжал в Москву, где держал себя необыкновенно открыто – к нему, в отличие от подсоветских архиереев, можно было запросто подойти и поговорить на любую тему. В общем, митрополит Антоний был безоговорочным идеалом и авторитетом для церковного поколения 1970-80-х гг.

Несомненно, молодому иеромонаху Илариону (Алфееву), приехавшему из Англии в Москву в середине 1990-х (а до Англии он немного послужил в Виленской епархии), во многом "сделала имя" его духовная и интеллектуальная близость к маститому Сурожскому митрополиту. О. Илариона считали человеком "школы" митрополита Антония. В какой-то степени так считал и сам старец-митрополит: на недавнем епархиальном собрании в Лондоне он с горечью родителя, обесчещенного своими детьми, признался: "Человек, который приехал сюда, не тот, которого я когда-то знал и которого я ждал".

Действительно, за считанные месяцы, если не дни, о. Илариона, ставшего владыкой, перестали узнавать даже его бывшие друзья. До января нынешнего года он был ученым-патрологом (его перевод второго тома творений преп. Исаака Сирина и несколько популяризаторских книг о св. Симеоне Новом Богослове, св. Григории Богослове и преп. Исааке Сирине снискали ему известность у читающей публики), автором учебника по догматическому богословию и фундаментального исторического труда, посвященного спорам об Имени Божиим. Будучи секретарем ОВЦС МП, о. Иларион активно занимался внешней церковной политикой, причем на ее наиболее либеральном – экуменическом – направлении. Он разъезжал с командировками по всему свету, был представителем РПЦ МП на последней Генеральной ассамблее Всемирного совета церквей в Найроби и на ряде других экуменических мероприятий. Высказывания в духе этнофилетизма ("Русская Церковь – только для русских!") невозможно было себе представить в устах этого человека. Однако, парадоксальным образом, именно филетизм лег в основу небывалого церковного скандала, потрясшего миролюбивую и интернациональную Сурожскую епархию за четыре месяца служения в ней в качестве второго vicaria епископа Илариона. Второй vicarius открыто бросил вызов правящему архиерею, наоткрывав без его ведома новых приходов из "новых русских" англичан, заявив, что РПЦ МП не должна заниматься миссионерством, а должна окормлять "овец погибших дома Руссакого", издав даже собственное Пасхальное послание (на Живом Великорусском Языке).

Есть две версии, объясняющие подоплеку этого скандала. Согласно первой, репутация ученого-патролога, успешного церковного политика, умницы и либерала нужна была о. Илариону для более успешного карьерного роста, для того, чтобы стать епископом. Став им в 36 лет по милости митрополита Кирилла, епископ Иларион "сбросил маски" и стал "конкретно" выполнять директивы церковного центра – ОВЦС МП. А директивы эти, по тем или иным причинам, сводились к тому, чтобы "задвинуть" митрополита Антония и разделить его наследство. Но Англия – не Россия; клир и прихожане вовремя пресекли гегемонистские поползновения ОВЦС. Есть вторая версия, более тонкая. Религиоведы давно заметили, что экуменический релятивизм часто сопровождается националистическим филетизмом, это как бы две стороны одной медали. Классический пример экумениста, ставшего филетистом, -- тот же митрополит Кирилл. Говоря обо всех русских (более того, обо всех, культурно и исторически связанных с русской традицией) как о "православных по рождению", митрополит Кирилл подспудно (или даже явно) признает возможность бытия "католиков по рождению" или "протестантов по рождению". Экуменический релятивизм давно сделал неактуальным вопрос, а кто, собственно, из этих "верующих по рождению" исповедует истинную веру. Таким образом, осталось лишь поделить "каноническую территорию", выяснив, кто к какой Церкви, то есть, простите, к "зоне пастырской ответственности", принадлежит по самому факту своего рождения на данной территории. В итоге должна получиться идиллия: мы к вам не лезем, потому что вы – "католики по рождению", и вы к нам не лезьте, потому что мы родились православными. Ни мы не можем заново войти в утробу матери, ни вы. Но мы можем мирно сосуществовать и даже общаться друг с другом в духе экуменической любви. Вот он, так долго и мучительно искавшийся "либерально-консервативный синтез" -- способ примирить крайний национализм с крайним экуменическим либерализмом.

Однако, в основе этого "синтеза" лежит банальный материализм, служанкой которого выступает религия, но не в своем природном качестве (связующей нити с Горним миром), а в качестве культурной надстройки. Если к религии можно принадлежать по факту рождения, по факту культурной идентичности, то такая религия "запрограммирована" генетически, заложена культурно, и Божественное Откровение в ней лишь красивый литературный троп...